

«Самая коренная русская область»:
образ Галиции в русской националистической периодике
в 1914–1915 гг.

В современных исследованиях о Галиции, ее истории и образе, есть разные и интересные интерпретации. За последние 30 лет выходили работы о социальной и культурной истории края, о многонациональном характере региона, посвященные проблемам гегемонии украинского и польского национального движения. Отдельную часть занимают исследования еврейской истории и населения в Галиции.

Самая известная работа о Галиции последнего десятилетия: *The idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture*, — описывает интеллектуальную историю Габсбургской провинции с 1772 до 1918 г., и раскрывает разные нюансы и черты многонационального общества. Польские, украинские, немецкие и еврейские представители Галиции — главные герои книги Ларри Вульфа, но в ней почти отсутствует русофильское направление, его интеллектуалы и личности, иногда они упоминаются только в качестве противопоставления украинофильству. Например, газеты «Галичанин» и «Прикарпатская Русь», Общество им. Качковского никогда не упоминаются в исследовании Вульфа. Только *en passant* есть одно замечание о Русинском национальном институте во Львове в 1848 г. [Wolff, 2010, p. 261].

В Галичине существовало русофильское направление, которое выступило против украинофильства и имело нескольких общественно-культурных учреждений. Численность русофилов с 80-х гг. XIX в. составляла меньшинство по сравнению с украинским движением. «Галицко-русское» сообщество в социальной жизни области стояло на славянофильских и консервативных позициях, связанных с Российской империей.

Русофилы видели в Царской империи самую великую славянскую державу, и считали себя наследниками славы и традиций Руси, разделенной во время монгольского ига. Такие взгляды поддерживал влиятельный сектор русских националистов. В 1902 г. 52 представителя академического мира, духовенства, чиновничества и дворянства основали в Санкт-Петербурге Галицко-русское благотворительное общество [Галицко-русское, 1903, с. 3–4]. Первым председателем общества был Антон Семенович Будилович, бывший ректор Юрьевского университета и заметный славист. Тайный советник, профессор Будилович был родом из Гродненской губернии, из семьи белорусского духовенства. Он принимал активное участие в процессе русификации образования и науки в западных губерниях Российской империи; занимая пост ректора Дерптского университета с 1892 до 1901 г., сосредоточил свои усилия на преобразование его в русский Юрьевский университет [Карский, 1909, с. 11]. Жена Будиловича была дочерью известного деятеля карпаторусского движения Адольфа Добрянского, и этот факт сблизил его, как замечает Карский, с восточнославянскими регионами Габсбургской империи. Профессор был назначен членом Совета министра народного просвещения в 1901 г. и впоследствии стал активным деятелем

консервативных кругов в имперской столице, а также автором разных публицистических сочинений. В 1906 г. совместно с П.А. Кулаковским и другими учеными он основывает журнал «Окраины России». С 1 января 1908 г. Будилович занимает позицию главного редактора ежедневной газеты «Московские ведомости». После смерти Будиловича, в 1908 г., президентом Галицко-русского общества становится граф Владимир Алексеевич Бобринский, восходящая звезда русского консерватизма, видный деятель неославянского движения и один из лидеров умеренно-правых и националистов в Государственной думе II, III и IV созыва. Деятельность графа положила начало новой бурной жизни общества, получила внимание со стороны российской прессы и габсбургских властей. Так, Бобринский стал *persona non grata* в пределах Австро-Венгрии [Отчет, 1914, с. 21–23].

Галицко-русское общество и его единомышленники пропагандировали соединение габсбургской окраины с Россией и активно подчеркивали «мучения русского народа» в Галиции. Греко-католическая церковь, по мнению галицко-русских деятелей, была средством угнетения поляков и Габсбургов. В начале XX в., когда украинское направление среди униатской иерархии стало сильнее под руководством митрополита Шептицкого, нападки против греко-католиков усилились.

До Первой мировой войны статьи и очерки о Галичине появлялись в основном в национально-консервативной печати в Российской империи. Цель русофилов и Галицко-русского общества состояла в распространении «русского дела» в российском обществе. Но еще в 1914 г. мы можем читать: «Так же мало знаем мы и о Галиции, которая когда-то жила одною жизнью с Киевской Русью и население которой то же самое, что населяет и многие наши южно-русские губернии. А между тем знать о ней нам особенно важно в настоящее время, чтобы при устройстве этой новой нашей окраины избежать ошибок, неизбежных при незнании местных особенностей и местных отношений» [Галиция и Россия, 1914, с. 3].

До начала войны книги и брошюры, которые выходили о Галиции, печатались по инициативе общественно-политических кругов националистов: например, уже в 1909 г. В.А. Бобринский издал книгу «Пражский съезд, Чехия и Прикарпатская Русь», которая была напечатана в пользу Галицко-русского общества. Внимание к Червонной Руси возрастает к 1913 г. В том же году Генштаб имперской армии издал брошюру «Галиция — место возможного столкновения с Австрией». В качестве вероятного театра войны автор Борис Филатович видел восточную часть Галиции — «наконец для нас сложившийся состав населения» [Филатович, 1913, с. 7], потому что «жители восточной Галиции в главной массе — русские и благожелательно относятся к нам, тем более теперь, когда преследование Австрийским правительством всего руссаго достигло наивысшего напряжения. Австрийское правительство видимо также считает восточную Галицию более вероятным театром войны, ибо в этой части сосредоточены вся ее оборонительные сооружения, тогда как в западной Галиции имеется только одна крепость Краков» [Филатович, 1913, с. 8]. В этом же году российское правительство стало принимать активные меры (не без сомнений) по финансированию «русского дела» в Галиции через поддержку галицко-русских обществ [Бахтурина, 2000, с. 54], потому что, как писал Бобринский, «работая в Галиции, мы работаем для нашей национальной самообороны» [Клопова, 2010, с. 88].

Образ региона как *terra irredenta*, где простое крестьянское русское население осталось без элиты, начал распространяться в русской периодике в 1914 г. В первые месяцы войны более 50 книг и брошюр были посвящены Галиции как части общеславянской освободи-

тельной войны под скипетром Романовых и ее «освобождению» от австрийского гнета [Von Hagen, 2007, p. 19–20]. Авторами этих работ были не только публицисты и писатели национально-консервативного направления. Данные тексты были проникнуты риторикой «внутреннего мира» и национального единения во время войны.

Представление о территории и населении основывалось на этносоциальных особенностях Галичины. В большинстве работ идея о Галиции как о «самой коренной русской области» — формула задуманная Галицко-русском обществом и потом использованная публицистом С. Соловьевым — стала широко распространяться. Однако встречались и интересные исключения, которые подчеркивали силу украинского движения в регионе.

«Русины, населяющие Восточную Галицию, это — те же малоруссы или украинцы, какие живут и в наших юго-западных губерниях — Подольской, Волынской и Люблинской. Говорят они тем же самым наречием, но, благодаря долгой совместной жизни с поляками, в их языке чувствуется некоторая примесь польских слов» [Библиотека Великой Войны, 1914, с. 7].

Кесарь Белиловский, поэт и переводчик с украинского языка, в лекции, прочитанной в Феодосийской мужской гимназии 19-го февраля 1915 г., рассматривал использование слова «Русь» в галицком контексте: «Названия: Русь, русины, россияне удержались только в Великой Руси и в Галиции. Вот почему “русский” у малоросса означает *великорусс*. Галичане-же, одинаково с москвичами, всегда называли свою землю *Русью*» [Белиловский, 1915, с. 20]. Белиловский так писал о населении Галичины: «<...> кто-же они, эти галичане, за которых льется кровь наших сынов и братьев, те-ли самые *русские*, что и мы, или другой славянский народ? На этот вопрос один только может быть ответ: да, это *Русь, зарубежная Русь*, в течение 600 лет находившаяся под игом, а ныне священнейшей жертвой — кровью наших братьев воссоединяемая с Великой Святой Русью» [Белиловский, 1915, с. 25–26].

Конечно, странно читать у переводчика Шиллера и Гете на украинском языке и Франко на русском такие предложения, как «Слово *украинец* точно также ничуть не обозначает и не может обозначать в этнологическом, *племенном* смысле народности, как и слова: запорожец, кубанец» [Белиловский, 1915, с. 29].

Задача националистической периодики состояла в полной русификации области с помощью местных русофилов. Тема истории, т. е. принадлежности Галицкого княжества в системе государств Руси, стала центральным сюжетом. В каждой книге, брошюре, памфлете исторические события, которые происходили в регионе, были встроены в рамки российской истории, а также описывалось отделение «колыбели славянства» от русских земель как страдание для простого народа. Причинами мучений галицкого населения стали завоевание и господство Польского королевства.

Полонизация православного дворянства в Галиции и заключение унии с Римской церковью находились в центре националистического дискурса, а «гнет шляхты» представлялся причиной всех страданий галицких крестьян. Свержение ига стало первостепенной задачей русской власти в осуществлении пропаганды.

Острая критика польского владычества и «историческое право» России в Галиции вступали в противоречие с обещанием воссоединения польских земель. В сочинениях, посвященных новой области, авторы предлагали разделить регион на Восточную и Западную части, что составляло историческую задачу русофилов и рутенов с 1848 г. Роль греко-католического духовенства подчеркивалась довольно противоречиво в работах, посвященных «новой жизни» региона: униатский священник представлялся либо ярым врагом и предате-

лем Святой Руси, либо хранителем старых народных и православных традиций, испорченных польско-австрийским игом. Это противоречие можно объяснить конфликтами внутри Греко-католической церкви в 1860–1880-х гг., когда о. Иоанн Наумович, автор программной статьи «Взгляд из будущего» в журнале «Слово», активно выступал за приближение и возвращение униатов в Русскую православную церковь, но уже в конце XIX в. большинство духовенства стало поддерживать украинские движения [Himka, с. 25 и с. 101–105]. Митрополит Андрей Шептицкий был арестован во время захвата Львова, и отправлен в глубь Российской империи, но такие меры не помогли «воссоединить» унятов, менее 1% населения приняло православие [Бахтурин, 2000, с. 167].

Проблема исторического и культурного наследия региона, между поляками и «русскими», стала центральной. Говоря о Львове, важном польском культурном центре с Осолениумом и Университетом, авторы отмечали его «русское происхождение» и основание русским князем Даниилом Романовичем в середине XIII в. В книге В.А. Верещагина «Старый Львов», галицкий город представлен древним центром русской цивилизации, сохраняющим, по мнению автора, свой русский образ вплоть до 1569 г., т. е. до Люблинской унии [Верещагин, 1915, с. 7–16]. Напомним, что большинство населения города в 1914 г. (и до Великой отечественной войны) было польским.

Этот характер городов Галичины и Восточной Европы описал Льюис Нэмьер в очерке «Революция интеллектуалов» [Namier, 1992]. Поэтому уже в довоенных работах авторы пытались выделить «русский» этнос большинства крестьянского и «простонародного» населения [Рапопорт, 1912; Дружковский, 1914]. В галицких деревнях уже в 70-х гг. XIX века появились кооперативы и читальные залы. Общества «Просвита» и им. Качковского боролись за гегемонию на данной территории.

Таким образом, дискурс о Галиции был буколический: крестьяне, в глазах современных авторов, а также племена лемок и гуцул сохранили «русскость». Часть населения, которая жила в Карпатских горах, вызывала пристальный интерес у русских интеллектуалов.

Идея единства русского народа, от Карпатских гор до Камчатки, в то время была распространена в Лемковщине. Русские националисты видели в лемках и гуцулах потомков «русских галичан», которые сбежали от польского захвата в XIV и XV вв. Образ религиозного, верного, мужественного и простого горца приобрел большую популярность в 1914–1915 гг., он представлялся последним героем Руси, сопротивляющимся пангерманизму и полонизму.

Какие критерии использовались для определения русской национальности в крае? Дмитрий Вергун, важная личность Галицко-русского общества, заметный публицист и писатель, в работе, посвященной своему родному региону [Вергун, 1915], перечисляет четыре условия:

«1) Православное вероисповедание (в Буковине сплошное, и отдельные общины в Галиции и Венгрии).

2) Восточный обряд греко-католической церкви.

3) Обиходное местное русское наречие в части населения, официально приписанного к римско-католической церкви в Восточной Галиции.

4) Сознание принадлежности к “старой вере” (o-hid) среди омадьяренного населения северо-восточной Венгрии и название “orosz” (русский)» [Вергун, 1915, с. 11].

Вергун пропагандировал активную борьбу против «чужеродных элементов среди русского населения» [Вергун, 1915, с. 14], но, несмотря на это, он видел, как «за шесть веков своего отчуждения от общей матери России народ этот сохранил достояние предков и сбе-

рег в главных чертах русский облик края до зари нынешнего освобождения» [Вергун, 1915, с. 15].

Товарищ-председатель Галицко-русского общества рассматривал нацию как «тело», а славянство как «живущий организм». Это биологическое восприятие — очевидное в работах поэта «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах» [Вергун, 1906] и в брошюре о родной Галиции. Кровь и тело, физика и география — ключевые слова в сочинениях Вергуна: «(Галиция) теперь, после пролитой на ней русской крови, стала многим родной и близкой» [Вергун, 1915, с. 63]. География и топонимика составляли основу дискурса Вергуна: Карпаты — стена России от немецкого мира; существование города Ярославль, Городок и Звенигород в Галиции и на территории России.

Вергун использовал категории и критерии, которые можно найти в дискурсе европейского национализма в начале XX в. и особенно среди представителей пангерманистических кругов. Кроме использования научного дискурса галицко-русский писатель обращался к эмоциям и «нерациональным силам»: «Инстинкт собирания русской земли, сознание необходимости племенного единения для сохранения силы, составляет отличительную черту уроженцев Карпатской Руси...» [Вергун, 1915, с. 21].

Таким образом, «самая коренная русская область» (выражение уже использовалось в начале деятельности Галицко-русского общества) «возвратилась» к России, и слово «возвращение» использовалось намного чаще, чем «воссоединение». Российская империя вступила в Первую мировую войну как защитница Сербии и всех славянских народов.

Лозунг защиты и свободы малых народов Восточной Европы от поработителей занимал важное место в заявлениях Антанты. Россия также с обращением Николая Николаевича младшего обещала воссоздать Польское государство под скипетром Романовых. Кроме того, карту национальных меньшинств разыгрывали Берлин и Вена, поддерживающие проекты создания Украины и Польши. Вергун пишет об этом так:

«Габсбурги и Гогенцоллерны в последнее время разделили между собою оба Пьемонта. Гогенцоллерны, по-видимому, не прочь были содействовать восстановлению саксонской династии в Польше <...> Габсбургам же предоставлялось осуществление мазепинской идеи <...> Тяжелое наследие принимает на себя русская власть ныне в Галиции, этом кладбище двух неудавшихся Пьемонтов» [Вергун, 1915, с. 62–63].

По мнению Вергуна, украинский вопрос искусственный, он — плод пангерманизма. Вергун предлагал разделить Галицию на две части: «Восточная часть Галиции, древняя “Галичина” воссоединится теперь навек с Россией, а западная будет в свое время присоединена к объединенной Польше. Все это сулит новый расцвет как русскому, так и польскому Прикарпатыю» [Вергун, 1915, с. 64].

Книги и брошюры о Галиции были путеводителями для солдата, кратким курсом истории региона для школьника и студента, *instant-book* для гражданской сферы: но краткое время захвата области не могло сформировать образ *terra irredenta*, который был, например, в Италии [Banti, 2005]. Однако темы национального возрождения государства и нации как «тела» никогда не были такими распространенными, как в период соединения региона с Россией. В периодике и печати этот факт находит другие подтверждения, а также расширяет интерпретации роли России, ее общества и интеллигенции в Первой мировой войне.

Список литературы

- Бахтурин А.Ю.* Политика Российской империи в годы Первой мировой войны. М., 2000.
- Белиловский К.А.* Галиция, ее прошлое и настоящее. Феодосия, 1915.
- Библиотека Великой Войны. № 3: Галиция и Россия. М., 1914.
- Верецагин В.А.* Старый Львов. Пг., 1915.
- Вергун Д.Н.* Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах. Вена, 1906.
- Вергун Д.Н.* Что такое Галиция? Пг., 1915.
- Дружковский Вс.* Современная Галиция. Екатеринослав, 1914.
- Галиция и Россия. М., 1914.
- Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. СПб., 1903.
- Галицко-русское благотворительное общество в С.-Петербурге. СПб., 1905.
- Клопова М.Э.* Защита на Днестре и Сане: Русское дело и его судьба накануне Первой мировой войны // Родина. 2010. № 3. С. 88–93.
- Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в С.-Петербурге за 1913–1914 гг. СПб., 1914.
- Рапопорт М.* Червонная Русь. СПб., 1912.
- Филатович Б.* Галиция — место возможного столкновения с Австрией. СПб., 1913.
- Vanti A.M.* L'onore della nazione: Identità sessuali e violenza nel nazionalismo europeo dal XVIII secolo alla Grande Guerra. Torino, 2005.
- Himka J.* Religion and Nationality in Western Ukraine. The Greek-Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867–1900. L., 1999.
- Namier L.* 1848: The Revolution of the Intellectuals. L., 1992 (1-st ed. 1944).
- Von Hagen M.* War in a European Borderland. Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. Seattle; London, 2007.
- Wolff L.* The idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture. Stanford, 2010.